

НАША СТРАНА

Год издания—46-ой. Буэнос Айрес, суббота 1 октября 1994

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 1 de octubre de 1994

№ 2303

ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВ (МОСКВА)

“БЕЗ ЦАРЯ ГОЛОВА, БЕЗ КРЕСТА ДУША...”

Обсуждение вопроса о возможности и целесообразности объединения коммунистов и патриотов в единое оппозиционное движение, судя по всему, превращается в бесконечное. Создаются и через какое-то время исчезают союзы „правой“ и „левой“ оппозиции, просвещенных коммунистов и просвещенных патриотов, на некоторых оппозиционных манифестациях можно видеть парадоксальную картину: портреты мученически убиенного Государя Императора Николая Александровича и его палача В. И. Ленина.

Подлинного же согласия между коммунистами (со всеми их вариациями) и патриотами-государственниками по-прежнему нет. Казалось бы, неудачный опыт последних лет, когда патриоты в результате своей линии на совместную с „краснознаменщиками“ борьбу против политики правящего в России режима так и не приобрели в глазах населения достаточной известности и авторитета, должен был привести к выводу о невозможности и нежелательности такого альянса. Однако, увы, вновь и вновь повторяются попытки, если не создать, то по крайней мере продемонстрировать „единый фронт“ левых и правых, что, кстати, появилось и на вечере „Литературной России“ в МИИТе. Там коммунисты, „христиан-сталинист“ Антонов, очутились в одном ряду с монархистами и другими представителями некоммунистической оппозиции, что поставило в тупик часть присутствующих. И. Р. Шафаревич, работы которого многим помогли избавиться от совкомзаблуждений, говорит на страницах „Литературной России“ о возможности при определенных условиях „единофронтной“ организации патриотов и коммунистов, хотя эти условия заведомо невыполнимы, так как требуют от коммунистов перестать быть самими собой и превратиться в патриотов-государственников, сторонников традиционной России.

Со своей стороны и компечать не отстает — и там появляются призывы к единству, некоторые из которых выдержаны в духе большевистских плакатов времен Гражданской войны: „а ты, патриот, записался... в единую с нами организацию?“ Если не записался, то разберемся кто ты есть на самом деле. В этом смысле характерна статья известного автора коммунистической и патриотической прессы С. Кара-Мурзы „В кого целится прошлое“ („Правда“, 22-6-1994). Во многом банальная с точки зрения трактовки советского прошлого России, она полезна для понимания, на какой основе видит согласие с патриотами другая сторона, чего она от этого согласия хочет и какими методами его добивается. Здесь своего рода ответ на размышления И. Р. Шафаревича о возможностях согласия.

По мнению С. Кара-Мурзы, неясность позиций сторон по отношению к советскому периоду российской истории — одно из главных препятствий, мешающих созданию объединенной коммуно-патриотической оппозиции. Думается, что такая посылка ошибочна. Мы ведь пытаемся разобраться в прошлом не ради абстрактного интереса, а ради

выбора пути в будущее, ради обоснования цели нашей борьбы, нахождения оптимальных методов их достижения. Давая оценку прошлому России, мы, хотим того или нет, в какой-то степени декларируем свое видение и ее будущего. Поэтому нет подлинного согласия между коммунистами и патриотами — различия идеал. Несовместимость идеала вызывает различие в позициях в отношении советского прошлого.

Однако вернемся непосредственно к статье С. Кара-Мурзы. С пафосом автор задает свой коронный вопрос, прямой, без виланий ответ на который устранил, по его мнению, все „неясности“. „На чьей стороне вы, нынешние патриоты-критики советского прошлого оказались бы после 1917 года? С кем бы вы пошли спасать Россию, господа Зорькин и Шафаревич?“ А если совсем коротко и по сути: „Ты за кого? За красных или за белых?“

Призыв определить „после 1917 года“ сам по себе некорректен, в нем нет ни грана историзма, без овладения которым наивно братья за анализ прошлого. Почему же в качестве определяющей берется ситуация после 1917 года? А до того? 1917 год не свалился в одночасье, он готовился десятилетиями силами, стремившимися уничтожить историческую Россию. Определяться надо было задолго до 1917 года. С разрушителями России или с ее охранителями?

После февраля 1917 года, на российской политической сцене господствовали уже только разрушители: с одной стороны буржуазно-либеральная группировка англо-французской ориентации (думается, ее родство с нынешними демократами несомненно), с другой — лево-радикалы внеационального толка, взявшие псевдоним „интернационалисты“. Как гласит предание, один из любимых героев кара-мурзаевской статьи И. В. Сталин на вопрос, какой уклон ВКПб лучше — правый или левый, ответил: „Оба хуже“. Так и эти два течения для исторической России были „оба хуже“. Они разными путями вели ее к одной цели — уничтожению. Конечно, для русских патриотов, государственников, для большей части православного люда выбора за теми или другими в той ситуации не было. Кто сознательно, кто интуитивно, почувствовав чуждый дух, гниль, отошел в сторону. Поэтому так быстро и бескровно слетел Керенский со своими „братьями“ думцами, поэтому „октябрь“ еще до середины 30-х даже советские власти называли переворотом, а не революцией — помнили, как все было на самом деле.

Возможность выбора для русского патриота появилась лишь к весне 1918 года. Но это был выбор не между красными и только зарождавшимся сопротивлением. Для той части русского народа, которая вопреки разлагающему на протяжении 18-го 19-го веков воздействию изнутри и извне на Россию враждебных ей сил, не потеряла связь с корнями, с верой и традицией, — большевики 1918-1920 годов с их внеациональными лидерами

были неприемлемы ни под каким видом. Вопрос стоял так: или подержать сопротивление, в котором наряду с тенденциями, характерными для проигравшей в октябре буржуазно-либеральной группировки, начался процесс осознания собственностью российских национально-государственных интересов, или по-прежнему держаться в стороне, ожидая возникновения третьей силы, которая выступит с четких национально-государственных позиций. Многие решили не ждать, понимая, что окончательная победа красных уведет Россию на такую дорожку („узкий коридор“, как пишет С. Кара-Мурза), с которой вернуться на свой национальный путь будет крайне тяжело. Приток этих сил в антибольшевицкое сопротивление и превратил его в „Белое движение“ спасения России, заставив „февралистов“ потесниться, пойти на компромисс — решено было, что государственный строй и путь развития России будет определяться после победы над красными. Недаром большинство верховодов февральского переворота или вообще оказались вне Белого движения или были в нем на положении известной субстанции, болтающейся в проруби.

Несомненно, что Белое движение сконцентрировало в себе подлинных патриотов России (наличие в нем элементов, обслуживающих иные интересы, не может опровергнуть этого факта). Соответственно и лозунг был патриотический, „собирающий“ — „За единую и неделимую Россию!“ Он, кстати, выдвигался как контралозунг „государственной“ идее красных, вопреки голословным утверждениям С. Кара-Мурзы, никак не выглядела ни „спасающей Россию от распада“, ни „собирающей“. Напротив, за этой идейкой маячила угроза уничтожения российской государственности, русской державной традиции. Так называемое „собирающее“ большевиками России после гражданской войны и вплоть до 1945 года было на самом деле создание совершенно нового, внеационального по сути своей антирусского государства. При этом в его систему закладывалась такая мина (самоопределение, национальные образования), которая в случае опасности — возрождение российской державной идеи — разнесла бы его вдребезги, что в конце концов и осуществилось на наших глазах. Однако вернемся к конкретным рассуждениям Кара-Мурзы о Гражданской войне.

Ирония его обращения к патриотам: „Что же И. Р. Шафаревич ясно не скажет, что после 1917-го он был бы со Шкуро и Махно, а не с красными собирателями России“, — насквозь лжива. Ни в один миг Гражданской войны перед русскими патриотами не стояла дилемма — со Шкуро и Махно или с красными. Ее просто не было. Как уже отмечалось, выбор в 1918-1920 годах формулировался совсем иначе — с белыми „За единую, неделимую Россию“ или с красными за советскую республику рабочих и крестьян. Характерно, что Кара-Мурза предпочитает упомянуть не о вождах

Белого движения — Алексееве, Корнилове, Деникине, Колчаке, Каледине, а о генерале Шкуро, одном из десятков такого уровня белых командиров. Так надежнее. Ведь за многочисленными вождями и полководцами Белого движения даже в советский период тянулся шлейф благородства, что-то вызывало интерес к ним, даже симпатию, немислимо сочетавшуюся с чудовищными небылицами, рожденными агитпропом ЦК ВКПб и иными „идеологическими центрами“. А вот в Шкуро и Махно автор статьи в „Правде“ видит пока беспроягрый вариант. Махно в глазах народа однозначно бандит и психопат, Шкуро все годы советской власти подавался как аналог Махно. Такой тенденциозный подбор возможных сподвижников Шафаревича вряд ли рассчитан на то, чтобы сразить „неопределившегося“ академика убийственным аргументом. Главная цель другая — не дать потенциальным участникам патриотического движения хотя бы приподняться над советским, в основе своем фальшивым и примитивным, толкованием прошлого нашего отечества.

Кара-Мурза подталкивает читателя к чрезвычайно элементарной логике. Ну, действительно, как можно стать на сторону Шкуро, когда против него „рыцари революции“, конники в буденовках. Одна фамилия чего стоит — бандитская. Другое дело — Буденный, Ворошилов, Дзержинский, Тухачевский. Свое, родное. Не говоря уже о милых русскому уху Гамарнике, Якире, Корке и прочих радетелях за новую Россию... Дешевый прием, но очень распространенный. Патриоты — значит Васильев с антисемитской „Памятью“ или Жириновский с „фашистской“ ЛДПР. Кстати, товарищ Кара-Мурза, презираемый вами Шкуро был в годы Гражданской войны боевым генералом, патриотом и грехов у него было, наверное, не больше, чем у многих участников этой трагедии. Но это, конечно, если о нем судить не только по советскому кинобоевику „Олеко Дундич“.

Выбор, безусловно был. Думаю, очень многие из нынешних деятелей патриотического движения, родившиеся и воспитанные в советский период, встали бы на сторону белых. Стали бы, несмотря на всю непоследовательность, на ошибки и преступления отдельных вождей и участников Белого движения. Там был русский дух, туда шли те, кто еще чувствовал себя православным, сыном исторической России.

Выбор в пользу красных „собирающих“ первого в мире пролетарского государства сделала та часть русских, которая в силу внутренних и внешних причин отдалилась от веры, от почвы, от традиции. Выход из трудностей развития России она увидела в красиво упакованных, внешне привлекательных, но чуждых в своей основе идеях, главными носителями которых стал выброс из всех народов, населявших российскую империю с немалой примесью „братьев“ по духу со всего света.

И не надо твердить агитпроповское — „массы пошли за красными“.

„Массы“ все время куда-то идут — за Лениным, за Сталиным, за Гитлером, за Кравчуком, Хасбулатовым, Аллой Пугачевой, сникерсами, даже за Чубайсом. Если „массы“ пошли за красными, которые стреляли в затылок священникам“, как признает Кара-Мурза, то надо крепко подумать не только о том, почему они пошли, но и о том, что это были за „массы“.

Нельзя согласиться и с надуманным выводом Кара-Мурзы — мол, в Гражданскую войну не было победы, а был выбор русского народа в пользу красных. Нет, была именно победа одной части народа (в том числе и русского) над другой (по преимуществу русской). Эта победа, а не выбор народа, толкнула Россию, говоря словами автора в правдинской статье, „в очень узкий коридор“. Согласно же рассуждениям Кара-Мурзы, Россия сама встала на „коридорный путь“, встретив сопротивление лишь разбойничков типа Шкуро да Махно. Нет, товарищ Кара-Мурза, очень многие не хотели в ваш „коридор“ и жизни свои положили. Бились долго, не дни, не месяцы, а годы. И это убедительно доказывает, что „масса“ билась с „массой“. Здесь какой-нибудь почитатель „Краткого курса истории ВКПб“ может вспомнить об „интервенции 14 держав“, на штыки которой якобы опиралась контрреволюция. Однако читатель, вышедший за рамки „фактов“, очерченных этой замечательной с точки зрения промывания мозгов работы, понимает, что и масштабы интервенции были значительно более скромные, чем твердила большевицкая пропаганда, да и цели ее ограниченные и порой совсем как-будто неясные. Анализируя политику стран Антанты в отношении Белого движения, не можешь отделаться от вопроса: так чего же все-таки хотел Запад — помочь контрреволюции победить, или помочь не победить? Не будем забывать и об участии в боях на стороне красных по меньшей мере 250 тысяч „интернационалистов“ из числа венгров (составивших, кстати, расстрелянную команду в Ипатьевском доме), хорватов, сербов, австрийцев, чехов, китайцев, корейцев и прочих, не говоря уже о „железных“ латышских стрелках.

С. Кара-Мурза в своем обличительно-политическом запале, пытается во что бы то ни стало доказать, что „масса“ сделала чуть ли не добровольный выбор в пользу красных „собирателей“ России, бросает: и пенять не на кого, ведь „империи лжи“ типа „Останкино“ тогда не было. Была, дорогой товарищ, и очень мощная, и в тех же руках, что и ныне. Телевидение еще создать не успели, но пресса задолго до 1917 года изо дня в день лупила мощными залпами по исторической России, сбивая народ с толку. Не только большевицкие издания, почти вся пресса страны работала на идею разрушения.

Поражение тех, кто под трехцветным знаменем боролся за единую и неделимую Россию, вовсе не означает, что этот выбор был хуже выбора тех, кто пошел за красными и попал в результате победы в Гражданской войне в „узкий коридор“. Ведь красно-советская система в конце концов проиграла, разлетевшись после семи десятков лет отчаянных, многожертвенных усилий выжить. Взорвалась заложная Лениным-Сталиным бомба самоопределения и национальных образований и разнесла коммунистическую империю, „собранную большевиками Россию“, „остановленную красными на краю бездны“. И где мы сейчас? На краю чего? Неужели неясно, что глубинные причины случившегося в 1991-1992 годах, лежат в 1917-1920 годах, когда Россия, влекомая либералами, а затем красными, свернула с естественного пути развития.

Вторая половина статьи С. Кара-Мурзы посвящена доказательству

того, что в 20-40-е годы у нашей страны не было иной альтернативы, чем жить и развиваться так, как она жила и развивалась. С этим нет смысла спорить. Загнав отечество в „узкий коридор“, большевики вынуждены были играть только по „коридорным“ правилам. С этой точки зрения Кара-Мурза прав в том, что ни Троцкий с Бухариным не были альтернативой, ни промышленность с сельским хозяйством поиному развиваться было нельзя, ни без обострения классовых борьбы было не обойтись с ее системой концлагерей и репрессивных органов. Каждый „неверный“ шаг грозил в этом коридоре обвалом потолка. Реальной альтернативой являлся лишь исторический, самобытный путь развития. Это, видимо, чувствовал И. В. Сталин — недаром он пытался (во время войны успешно) „вмонтировать“ элементы русской идеи в марксистско-ленинский каркас созданного большевиками государства. Такие попытки в кризисный момент давали этому государству дополнительный глоток кислорода, но обязательная игра по „коридорным“ правилам чего-либо большего сделать не позволяла. Чтобы реализовать альтернативу, надо было вернуться в точку отсчета, то есть в период до февраля 1917 года. На это ни Ленин, ни Сталин, ни Бухарин и их сторонники пойти не могли — для них такой шаг означал бы политическую и, наверное, для некоторых физическую смерть.

В игре по „коридорным“ правилам нельзя было, не погубив совкомсистемы, действовать иначе, чем Сталин, Хрущев, в какой-то степени Брежнев, а затем неосторожный Горбачев попытались позспериментировать, и все очень быстро рухнуло (кстати, без реального сопротивления „массы“). Только альтернатива оказалась ложной — та, что обанкротилась в феврале-октябре 1917 года.

Все рассуждения Кара-Мурзы о советском прошлом подчинены одной цели — внушить читателю, что после 1917 года альтернативы красным не было, советский период —

неизбежная реальность, все процессы развития Советского Союза в принципе исторически оправданы и нечего патриотам „выламываться“ — у России нет другого пути, кроме как вернуться к советской системе, то есть в тот самый „узкий коридор“, в котором страна жила 75 лет. Аргументы в пользу такого соображения у автора статьи в „Правде“ совершенно замечательные — он не только сталинский тезис о неизбежности обострения классовых борьбы по мере развития социализма приводит, но еще и на русский язык его „переводит“: мол, чуть посытнее заживем, так обязательно бедный с богатым сцепится. Поэтому давайте все жить бедно. Таковую жизнь, и в этом С. Кара-Мурза абсолютно прав, может обеспечить только советский строй, за который он призывает оппозицию — и коммунистов, и патриотов беззаветно бороться.

Эта идея, как и идея современных февралистов — Гайдара и К°, несмотря на внешнюю их несовместимость, в сущности обслуживает интересы совершенно определенных кругов США и западноевропейских государств. Она обеспечивает для Запада беспроблемность своей политики в отношении России. Если проваливается попытка руками гайдаровцев (условное, конечно, название, этот пухлый и неустанно чмокающий господин всего лишь пешка) расчленив Россию, создать на ее просторах три-четыре „компактных“ и, конечно, совершенно ничтожных государства, обеспечивающих поставки на Запад необходимого сырья, то тогда запустить второй вариант — возвращение к власти „товарищей“, которые уверенно заведут Россию в привычный „узкий коридор“, где она вновь до крови будет биться головой о стены до следующего грандиозного обвала. Стратегия врагов России не нова, она прекрасно продемонстрирована в период Гражданской войны и в последующие годы. С. Кара-Мурза предлагает русскому народу вновь принять участие в этой игре, вплоть до полного своего уничтожения.

Кстати, читая его статью, приходишь к выводу, что русский народ, русская нация для него как бы не существует. Для него все мы „советский бесклассовый народ“, который ведет этническую борьбу с „хищным мутантом“ — „новыми русскими“ (собираетелной внеклассовой категорией). Я же, православный и русский, вижу здесь совсем иную борьбу, борьбу двух мутантов — „советского“ и „демократического“. „Советский мутант не менее безроден, также лишен исторической памяти, связи с верой, корнями и традицией, как и мутант „демократ“. Пусть они бьются до полного изнеможения, но своего собственного, а не нашей родины. Истязали ее и те и другие достаточно.

Патриоты, претендующие на то, что они осознали национально-государственные интересы России, должны также осознать и то, что им не по пути не только с мутантами февраля, но и с мутантами октября 1917. Это, безусловно, трудно, воздействие советчины на многих из нас было монополюно и огромно, но это абсолютно необходимо, если мы не хотим обслуживать враждебные России интересы. Мешает и страх лишиться поддержки „массы“, которую выводят на манифестации краснознаменщики, страх, что нас мало, что без союзников окажемся в изоляции, без средств и т. п. Да, нас пока мало и влияние наше еще незначительно. Но от того, что патриоты вот уже несколько лет участвуют в демонстрациях под красным знаменем и портретами Ленина, их не стало больше и влияние их не увеличилось ни на йоту. Задача сформулирована неправильно. Влиять на коммунистов и советчиков бессмысленно — среди них остались в подавляющем большинстве убежденные люди, ни на какие компромиссы, а тем более условия И. Р. Шафаревича не согласные. Они твердо знают чего хотят, и будут этого добиваться, вынуждая подворачивающихся под руку попутчиков из числа патриотов принимать их лозунги и цели. Об этом красноречиво говорит и статья С. Кара-Мурзы. Но эта категория населения страны в целом немногочисленна, реальная граница их воздействия очерчена результатами выборов в Госдуму. Патриотам, носителям идеи исторической России, нужно биться не за души и сердца твердых каменных советских мутантов, а того огромного большинства русского населения, которое ушло от совкомсистемы, но после кратковременного, как в феврале 1917 года, увлечения „демократами“ — не пошло и за ними. Жиринский ловко сыграл на настроениях значительной части этих людей, они прореагировали на него как на личность, не связанную (по крайней мере внешне) ни с обанкротившимися коммунистами, ни с новыми правителями России. Если патриоты-государственники в конце концов предстанут в глазах русского народа как самостоятельное движение, единственная цель которого — реализация его национальных интересов, то победа исторической России, как бы трудна она ни была, просто неизбежна. На это надо, хорошенько помолвившись, решиться. Наш путь тернист, отчаянно сложен и только Господь знает, когда он завершится победой. Но если мы не пройдем его под русским знаменем, с „царем в голове и с крестом в душе“, если не перестанем пристраиваться в хвост уводящим в сторону колонн, то не будет нам милости Божией, не увидим ни мы, ни наши дети, ни внуки России тысячелетней. Ждет нас или „цивилизованное общество“, кормящееся помоями Запада, или „советская бесклассовая этническая общность“, пожирающая сама себя.

Олег Алексеев
Кандидат исторических наук
„Литературная Россия“

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

Церковно-Общественный Органъ
Русской Православной Церкви Заграницей

Издается съ 1928 г., выходитъ разъ въ двѣ недѣли въ Свято-Троицкомъ монастырѣ въ Джорданвиллѣ, Н.И. США

Журналъ, черезъ матеріалы приуроченные къ богослужебному календарю, помогаетъ читателю жить въ единеніи съ духовными событіями, переживаемыми Православной Церковью; знакомитъ съ жизнью Русской Церкви въ разсѣяніи и на родинѣ, говоритъ о событіяхъ, волнующихъ православныхъ христіанъ въ современномъ мірѣ, помѣщаетъ статьи объ юбилейныхъ событіяхъ, предлагаетъ обзоры книгъ и другіе разнообразныя матеріалы, представляющіе интересъ для стремящагося къ духовной жизни читателя.

Пробный номеръ высылается бесплатно.

«Православная Русь» (24 номера въ годъ) съ приложеніемъ «Православная жизнь» (12 номеровъ въ годъ) — US\$ 30.00 (air mail - \$65.00). Чеки просимъ выписывать на «Orthodox Russia».

«Orthodox Russia» / Attn: Andrei Psarev

P.O. Box 36

Jordanville, NY 13361- 0036, USA

Въ Свято-Троицкомъ монастырѣ также издается журналъ «Orthodox Life» на англійскомъ языкѣ (содержаніе иное, чѣмъ въ журналѣ «Православная жизнь», 6 номеровъ въ годъ) — US\$ 12.00. Для подписчиковъ «Православной Руси» — US\$ 8.00.

Владимир Рудинский

ВИНОВАТЫЕ И НЕВИНОВАТЫЕ

В статье С. Кирилова "Интеллектуалы и интеллигенты", в "Москве" номер 5 за 1993 год, есть мысли, на которых стоит остановиться.

Основную-то его идею мы склонны принимать *cum grano salis*. Он, — далеко не первый уже, — пытается размежевать образованный слой России (главным образом, в прошлом) на два полярных лагеря: интеллектуалы (те, кого Д. М. Панин называл строителями) и интеллигенты (по определению Панина, разрушители).

Думаю, что все это сводится к простому и бесспорному факту, что существовали левые и правые интеллигенты. Конечно, левые-то делали усилия исключить людей как Гоголь, Достоевский или Гумилев из класса интеллигенции. Иногда и правые, в свою очередь, причисляли к интеллигентам только революционеров, отделяя от них подлинных ученых и искателей истины. Но все это, сдается нам, довольно тщетная и бесперспективная схоластика.

Сделаем еще ту оговорку, по поводу конкретно предлагаемой Кириловым терминологии, что в нынешнем языке термин интеллектуал чаще всего прилагается именно к самой левой части западной интеллигенции, к людям типа Сартра и всяческих Сикейросов.

Что нас интересует, однако, в разбираемой статье, это оценки автора относительно часто делаемых преждем ведущему слою обвинений.

"Вопрос о «вине» прежнего истеблишмента в победе революции имеет два аспекта: во-первых, его пассивность и неспособность ей противостоять, то есть как бы то, что в законодательстве именуется «пре-

ступным бездействием", во-вторых — участие его представителей в непосредственной подготовке переворота, то есть собственно «преступное действие»."

Но: «Все произошло слишком быстро, а после отречения ничего сделать уже и нельзя было, так как сопротивление лишилось даже и морального стимула. И что могли поделать немногочисленные «аристократы», находившиеся при своих частях на фронте в непосредственном соприкосновении с противником, — бросить фронт и примчаться в Петроград? Да и офицерство в 1917 году было далеко не то (кадровый состав погиб еще в первый год войны, и 90 % офицеров составляли произведенные за войну прапорщички, состав которых практически соответствовал социальному составу всего населения России). В обычных же условиях мирного времени русский истеблишмент вполне способен был справиться с любой революцией, как он, собственно говоря, довольно легко и справился в 1905-1907 годах, когда не его бессилие, а как раз нерешительность верховной власти, долго боявшейся применить силу позволила беспорядкам продолжаться довольно долго. Но как только сколько-нибудь решительные меры стали применяться вся вакханалия тут же и кончилась».

Согласимся и с дальнейшими высказываниями автора: «Еще более нелепо утверждение о том, что революция была подготовлена «образованным сословием», интеллектуальным слоем старой России. Чтобы говорить подобные вещи надо либо быть по-советски невежественным человеком, либо делать это с определенной политико-идеологической целью, либо совершенно не

представлять себе, о чем собственно идет речь. Каким образом тот факт, что множество революционеров вышло из этой среды, может служить основанием обвинения в революционности всего этого слоя, если они составляли ничтожно малую часть его? Это столь же смешно, как, скажем, приписывать русскому дворянству склонность вступать в масонские ложи на том основании, что их членами состояло немало известных аристократов (при том, что всех членов лож насчитывалось, в лучшем случае, несколько сот человек, тогда как дворян в Российской Империи — 1,5-2 миллиона)".

Настолько же справедливы и следующие далее оценки: «И, конечно, не вызывают сочувствия стечения интеллигентов с интеллектуально-аристократическими претензиями «не понятых» в конце концов «победившим пролетариатом» и выброшенных за ненадобностью на том или ином этапе социалистического строительства; не может быть большего позора для «аристократов духа», чем примирение и сотрудничество с хамской властью. Если и можно вообще говорить о какой-то исторической справедливости, то в отношении их она осуществилась вполне».

Применяя уроки прошлого к настоящему моменту С. Кирилов констатирует: «Не может процветать та страна, в которой интеллектуальный слой настроен антигосударственно или антинационально».

В целом, полагаем, разобранная выше статья свидетельствует о наличии сейчас в «бывшем СССР» некоего количества людей, относительно трезво разбирающихся в истории революции и в ее последствиях.

Чему можно порадоваться.

Владимир Рудинский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

В этой колонке в предыдущем номере отмечались проекты разделения стран Европейского Союза на два этажа (или даже на несколько этажей). Во Франции было сделано предложение создания оси между Францией и Германией, а в Германии было предложено добавить к ней еще страны Бенелюкса (Бельгию, Голландию и Люксембург), чтобы создать "твердое ядро" Европейского Союза.

Французские предложения (исходящие из правительственных кругов) создания франко-германской оси перекликаются с предыдущими заявлениями президента Миттерана, о наличии "франко-германского мотора" в Европе. Это конечно не простые совпадения. Совпадения на таких уровнях мировой политики вообще бывают весьма редко. Вернее всего это разные проявления одной и той же заранее разработанной программы.

Еще пару лет тому назад, Збигнев Бжезинский писал о желательности "отодвижения" политического положения в Европе на десять веков назад. Сегодня трудно понять смысл этих слов Бжезинского, ибо трудно представить себе политическое положение в Европе в девятом и десятом веках. Однако, бросаются в глаза три возможные параллели:

1. В свое время в "Калейдоскопе" было указано, что такой возврат к временам до Крещения Руси, обозначал бы возврат к международному положению без России, понимаемой не только как государство, но и как нация и как культура.

2. Сегодня можно добавить, что это означало бы и возврат ко временам Франкского государства, то есть к временам не галло-романской, а германской Франции ("Frankenreich"). В 843 году это государство было разделено на три части: Восточно-Франкское королевство (Ostfrankenreich, будущая Германия), на Западно-Франкское королевство (Westfrankenreich, будущая Франция, Frankreich) и на "среднее королевство", в будущем Лотарингия.

3. Гегемония такого Франкского государства в Западной Европе тогда не только привела к его политическому союзу с папством, а в дальнейшем и к конфликту с восточной римской империей и с Православием, но и положило начало светским владениям римских епископов. Пипин Короткий отобрал в 756 году у лангобардов занятый ими Равеннский экзархат, и вместо того, чтобы вернуть его византийской империи, отдал его папе.

Очевидно, что такие грандиозные схемы в конечном итоге не реальные, даже несмотря на все частичные аналогии, которые можно установить между прошедшими историческими ситуациями и сегодня форсируемыми тенденциями.

Нельзя упускать из виду, что сегодняшнее политическое положение в мире сильно обусловлено присутствием такой великой политической силы, как США, которые вообще не существовали в те времена, к которым стремится Бжезинский.

Кроме того, сегодня сильно чувствуется недостаток в мире Православной Державы, которая бы могла своим нравственным и культурным авторитетом удерживать современный разлив безнравственности и бескультурности в мире. Посему, сегодня важнее всего стремиться к восстановлению православного Государства Российского, а также и к созданию Византийского Союза, для объединения всех православных народов. На подобие существующих аналогичных объединений других народов, по религиозным, этнографическим и географическим признакам.

П. Н.

БИБЛИОГРАФИЯ

Э. Ло Гатто. "Мои встречи с Россией". (Москва, 1992)

Воспоминания итальянского слависта Этторе Ло Гатто (1890-1983), фактически основателя славистики в Италии, производят в целом приятное впечатление.

Отчасти и потому, что он вполне трезво умел оценивать большевизм. Это не те коммунисты и посткоммунисты, как нашумевший позже профессор Б. Страда и ему подобные!

В 1928 и в 1929 году ему удалось посетить советскую Россию, после чего въезд туда был ему надолго закрыт. Вот как он сам об этом рассказывает:

"Я хотел бы поделиться некоторыми соображениями относительно отказа выдать мне визу на поездку в Советский Союз в 1934 году.

1934 год был годом первого Съезда Советских Писателей, годом "mea culera" почти всех участников съезда, годом, когда принципы «социалистического реализма» приняли форму догмы наряду с социал-политическими догмами первой пятилетки и принудительной коллективизации на селе. Известно, что Сталин, по инициативе которого проводились обе кампании, получив известие об успехах последней, воскликнул: «Головокружение от успехов!» Голова на самом деле кружилась от того, что сотни тысяч крестьян, противясь коллективизации, пытались защитить свой собственный клочок земли, но в конце концов давали убить себя, или, погруженные в тысячи вагонов, увозились неведомо куда. Ла-

геря принудительных работ «официально» возникли в ту пору, к тем годам относят начало так называемого «сталинского двадцатилетия», закончившегося смертью диктатора. Помню, после войны я беседовал с итальянским коммунистом, находившимся тогда в Советском Союзе; на мой рассказ о страданиях русских в периоде 1929 по 1931 годы, он ответил, что если бы я вернулся туда в 1934 году, то был бы ошеломлен изменениями к лучшему во всех областях жизни, в том числе и литературной. Прошло лишь несколько лет, вскруживших голову «успехами», — и начался период кульминацией которого явились ужасные процессы 1937-1939 годов — периода «культы личности».

Понятно, что для большевиков такой иностранец был совершенно неприемлемым! Это, впрочем, они почувствовали еще при поездке Ло Гатто в 1929 году по «многим городам древней Руси». О чем он сам говорит следующее:

«Из этого путешествия родилась моя "Vecchia Russia" («Старая Русь»), опубликованная в том же 1929 году и многим понравившаяся. Многим, но не заведующему Отделом Печати Наркоминдела. Когда мы встретились с ним однажды в 1931 году, он высказал свое удивление тем, что я, вместо того, чтобы интересоваться новой Россией и ее успехами, ездил по старым монастырям и церквям и излагал на страницах своих книг легенды вместо фактов. Помню, я ответил ему, что большие заводы я могу увидеть и на Западе, а старую Русь — «основу» моей культуры — исключительно в России».

В результате въезд в СССР был для Ло Гатто закрыт на 20 лет.

Он возместил это многочислен-

ными встречами с эмигрантскими писателями и с теми из подсоветских, которым удавалось еще тогда вырваться за границу.

Об этих встречах с зарубежными и с советскими писателями он и повествует в своих мемуарах, всегда благожелательно, может быть иногда даже и слишком, — но подобный недостаток легко простить!

Мы узнаём от него много интересных деталей об очень разных людях: Б. Зайцев, Вяч. Иванов, А. Ахматова, М. Горький, М. Булгаков, Е. Замятин, Д. Мережковский, В. Ходасевич, И. Бунин и, с другой стороны, Л. Сейфуллина, Л. Леонов, И. Эренбург.

Иногда его симпатия к ним, может быть, и чрезмерна. Например, к Н. Клюеву. Но тот сам себя характеризует злобными и несправедливыми отзывами об уже покойном тогда Есенине, — отзывами, которые Ло Гатто честно зарегистрировал и донес до нас. На деле, они убийственны для их автора, а не для гораздо большего, чем тот, поэта, на кого он клеветал.

Дружба с Ремизовым не мешает итальянскому исследователю разумно заметить, что сочинения сего последнего трудны для чтения не только иностранцу, но и русскому. Вообще же, как раз для иностранца извинительно не заметить фальшивость и надутость творчества этого сильно переоцененного писателя.

Книга издана в хорошем переводе, написана ярко и увлекательно. Человек, интересующийся русской литературой, не пожалеет о времени, затраченном на ее прочтение, ни даже о деньгах, истраченных на ее приобретение.

Владимир Рудинский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

СОЛЖЕНИЦЫН О ШКОЛЕ

Нам пишут из Москвы:

Картину катастрофического состояния русской школы и нравов в обществе нарисовал выступивший по телевидению писатель Александр Солженицын.

„Школьные здания не ремонтируются, в сельских школах зимой дети сидят в полушубках и валенках, учителя получают зарплату, которой едва хватает на жизнь, отсутствуют учебные программы, переполнены классы, разрушены летние лагеря и это вынуждает детей проводить лето на улице, где они могут обучиться только коммерции или преступности“, — такой увиделась Солженицыну сегодняшняя русская школа.

По словам писателя, „в классах — неуважение к преподавателю, распущенные шутки, распущенные жесты, прямое хамство, самовольный выход из класса, мат даже по отношению к учителям. „Хорошо успевающие ученики не могут поступить в высшую школу, потому что нет денег. Мы возвращаемся к знаменитой проблеме „кухаркиных детей“, — предупредил он, — сотни тысяч учеников ежегодно пополняют класс безработных“.

Особо критические замечания Солженицына адресованы телевидению, где царят „фильмы ужасов, дешевые детективы, наглая пропаганда наживы и разврата, какая-то дразнящая реклама недосягаемого. Детей учат тому, как стричь купоны, труд подвергается презрению, представляется бесполезным“. На телевидении, утверждает он, почти нет образовательных и воспитательных программ, которые воспитывали бы дух и душу.

В сегодняшней российской школе, считает Александр Солженицын, внушается, что труд не нужен, нужно быть негодяем и жуликом, совершенно извращены идеалы, девушки мечтают стать или кинозвездой, или проституткой.

„За эти несколько лет мы много говорим об экономике. Это правильно, но надо понять, что нравственная проблема гораздо острее экономической. Без спасения нравственности нам не спасти ни хозяйственной жизни, ни административной, ни государственной, никакой, — подчеркнул Солженицын.

РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ

Нам пишут из Тегерана:

„Тысячи русских воюют в Боснии на стороне сербов против мусульман“. С таким утверждением выступил министр иностранных дел Боснии и Герцеговины Ирфан Любиянкич, принимающий участие в проходившем в Тегеране международном семинаре по боснийской проблеме.

В интервью иранской газете „Джомхурийе эслами“ он сказал, что в настоящее время многие из русских, кого он назвал „наемниками“ либо погибли, либо попали в плен. Любиянкич признал, что эти лица не являются военнослужащими и отправляются в Боснию добровольно.

В ответ на неоднократные запросы мусульманского правительства в Боснии, Москва подтверждала, что добровольцы уезжают в Боснию без ее ведома и нелегально.

„ДОЛЛАРЫ ДЛЯ ПОПОВ“

Нам пишут из Рима:

Издаваемый известным итальянским политическим деятелем Джулио Андреоти в настоящее время находящимся под следствием из-за своих связей с мафией, журнал „Тридцать дней“ сообщил, что весь клир Московской Патриархии, включая как митрополитов, так и шесть тысяч приходских священников, может перейти на содержание одной католической организации.

По словам журнала, это пока лишь проект, но он может вскоре воплотиться в действительность. Его автор — „неутомимый и высокопрактичный голландец Веренфрид Ван Страатен, более известный, как „брат Лардо“, основатель организации „Помощь страждущей Церкви“.

„Брат Лардо“ заявил, что он гарантирует каждому священнику Московской Патриархии годовую среднюю зарплату в 1000 долларов, „сумма, которая может быть очень привлекательной для православных попов, так как многие из них зарабатывают всего лишь 20-30 долларов в месяц. Они женаты и вынуждены работать сапожниками, каменщиками или служащими в магазинах, чтобы прокормить свои семьи. Это значит, что у них остается очень мало времени, чтобы окормлять души“.

Журнал утверждает, что „зная о неиссякаемых талантах брата Лардо, мало сомнений в том, что ему удастся найти благодетелей, которые бы жертвовали шесть миллионов долларов в год“.

До того, как заявить публично о своем намерении, брат Лардо

полтора часа беседовал с патриархом Алексием Вторым и два часа с „ультранационалистом“ митрополитом Иоанном Санкт-Петербуржским. „Переговоры были трудными, но их результат положительный“, сообщил брат Лардо.

Согласно журналу „Тридцать дней“ папа Иоанн Павел Второй был также информирован заранее об этом проекте и поставил два условия. Во первых, чтобы экономическая помощь не давалась бы священнослужителям прямо, а через их епископов „ради уважения и экуменической деликатности“. Во вторых, субсидии также должны получать 60 католических ксендзов, подвизающихся в России, чье экономическое положение якобы не лучше, чем у „отделенных братьев“.

О ГЕНЕРАЛЕ ВЛАСОВЕ

Нам пишут из Москвы:

Газета „Российские Вести“ опубликовала под заглавием „Генерал Власов был ключевой фигурой в обороне Москвы?“ выдержки из книги священнослужителя РОО протоиерея Александра Киселева „Облик генерала Власова“.

„Так, правда ли то, что наша бывшая 2-ая ударная армия была брошена Сталиным на произвол судьбы?“, спрашивает газета. „Правда ли то, что генерал А. Власов, будучи человеком по военному одаренным, являлся едва ли не ключевой фигурой в ходе обороны Москвы, слишком „много знал“ о „ляпах“ нашего командования в военных действиях и из-за этого стал крайне неудобной фигурой, подлежащей уничтожению?..“

ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Нам пишут из Москвы:

Протоиерей Михаил Ардов, известный православный публицист, возразил против поддерживаемого Ельциным, мэром Лужковым и патриархом Алексием Вторым проекта восстановления храма Христа Спасителя. Священнослужитель отметил, что „принятый мэрией и патриархией проект носит название „План поэтапного восстановления храма“. И печать уже сообщила о том, ка-

ков будет первый этап этого плана. Один из ведущих архитекторов заявил, что „подземное пространство надо бы включить в эксплуатацию раньше“. Дескать, выполняя роль коммерческого центра, оно могло бы дать средства не только на восстановление, но и на содержание храма. А „Коммерческий центр“ планируется изрядный — двухэтажные гаражи, рестораны, магазины, душевые с раздевалками, общественные сортиры, зрительные залы... И неужто никто из планировщиков не дал себе труда задуматься над самым простым вопросом: уместно ли все это заводить и „эксплуатировать“ в здании церкви, посвященной Тому, Кто бичем изгонял торгующих из храма?..“

Отец Михаил Ардов подчеркнул также, что „планировщики, которые расценивают свою работу, как „акт покаяния архитекторов перед Церковью“, забыли немаловажную деталь — стоявший между храмом и рекою памятник Императору Александру Третьему, тому самому Государю, в чьем присутствии 26 мая 1883 года собор был освящен. Вообще же история постройки этого храма неразрывно связана с династией Романовых. Император Александр Первый дал обет построить церковь в память Отечественной Войны и тогда же 25 декабря 1812 года издал о сем указ. Император Николай Первый избрал данное место для строительства и утвердил проект К. А. Тона. Император Александр Второй в 1863 году предоставил неограниченный кредит для завершения работ“.

По словам священнослужителя „вовсе неплохо, что архитекторы, люди, которые, по существу, уничтожили „колокольный град“ наконец заговорили о „покаянии“. Но, кроме богоотступничества и святотатства над россиянами тяготеет еще один страшный грех — цареубийство и нарушение завета благочестивых предков, которые на Земском Соборе 1613 года избрали династию Романовых и свои постановления запечатлели проклятиями тех, кто ими пренебрежет“.

О. Михаил Ардов сказал в заключение, что у него нет „ни малейшего желания обидеть тех самоотверженных людей, которые беззаветно трудятся и собирают лепту для возрождения московской святыни, их побуждения самые чистые и заслуживают всяческого уважения. Но всем нам надлежит ясно сознавать, что возведение церкви — не просто стройка со сметой, материалами, техникой и рабочими. Самое существенное здесь — благоволение Господа, и храмоздателем может стать отнюдь не каждый“.

О Ш И Б К А

В отдел „Политическая хроника“ на 4-й странице, 4-й колонке, 3-4-й строчке сверху, в номере 2301 газеты вкралась досадная ошибка: вместо „митрополита Филарета“ следует читать „митрополита Виталия“.

Потомок святителя Иоасафа Белгородского, духовный сын Оптинского старца Анатолия Младшего, друг С. А. Нилуса, автор

„ВОСПОМИНАНИИ“
— Князь Н. Д. Жевахов —

был последним в Российской Империи товарищем (заместителем) Обер-прокурора Св. Синода.

Царская семья, загадочная личность Распутина, восстановление Патриаршества, высшая Церковная иерархия — все это объекты самого пристального внимания мемуариста.

Во втором томе, описывая всероссийский революционный погром 1917 года, автор анализирует причины и последствия революции, раскрывает сатанинский смысл красного террора, о котором знал не понаслышке, имея доступ к материалам денкинской комиссии по расследованию зверств большевиков.

В России „Воспоминания“ Н. Д. Жевахова выходят впервые. Общий тираж первого и второго томов, выходящих в 1920-х годах в Мюнхене и Новом Саде (Югославия), не составлял и одной тысячи экземпляров.

Наш адрес: 129110, Москва, И-110, а/я 26.

Издательство „РОДНИК“